

«ПРЕЖДЕ НАДО НАУЧИТЬСЯ»

Среди замечательных артистов, с которыми мне довелось быть в переписке, когда служил матросом на кораблях Балтийского флота, особенно дорого общение с Алексеем Николаевичем Грибовым. Письма его я храню не только как память о художнике великого дарования, но и как образ доброго, душевного, неугомонного в своих мечтаниях, мыслях и тревогах о театре старшего современника. Даже по отдельным штрихам и оценкам чувствуешь, в какой духовной напряженности борьбы за передовой театр постоянно жил этот человек.

Е. ОДИНЦОВ.

13 октября 1968 г.

Дорогой Евгений!

Получил Ваше письмо и смущен. Не переоцениваете ли Вы мои достоинства и мои достижения? Я о себе думаю гораздо скромнее и говорю Вам об этом без кокетства. Очевидно, я сделал на театре и кино много убедительных творческих работ, но переоценить их не могу, т. к. считаю, что можно и должно было бы сделать гораздо больше. Мне думается, что этот девиз «гораздо больше и лучше» даст мне силы приумножить мною содеянное. За Ваш юношеский восторг я Вас благодарю, но больше всего мне понравился Ваш пыл и страсть, с которой Вы говорите о театре вообще и особенно Ваше страстное желание служить искусству.

Но должен предупредить, что путь к постижению драматического искусства тернист. Учтите это и не раз, и не два серьезно подумайте об этом. Плодами долготерпения, большим, кропотливым, нелегким трудом достались мне «Чебутикины» — «Шмаги» — «Собакевичи» — «Земляники». Много мучительных дней и ночей, недель и месяцев провел я за работой над образом **В. И. Ленина** и считаю, что по пятибалльной системе сделал только на 4 с минусом.

Не думаете ли Вы, что немного нескромно сразу мечтать о Хлестакове, Чацком, Жадове и т. д.? Думаю, что не очень скромно. Мечтать, конечно, можно, но прежде всего нужно думать о том, как постичь сущность и глубину, внутреннюю глубину мастерства художника, воплощающего на сцене тот или другой образ.

Мой совет — прежде надо научиться, а потом уж... Вы скажете мне: «Плох тот солдат, который не хочет быть генералом». Да, это так, но прежде нужно завоевать право быть им.

Ну что ж, желаю Вам успехов и удач в Вашей трудной и сложной жизни бойца, а после исполнения Вашего долга перед Родиной — бросайтесь с головой, с той страстностью, которой дышит Ваше письмо, в школу драматического искусства.

6 июля 1969 г.

Дорогой Евгений!

Ваше письмо прочел внимательно, многое в нем можно признать за действительное, а многое, по-моему, и несколько преувеличено. Ну, это тема не для короткого письма, а пространного разговора. Мне кажется, что на молодежь Вы напали со строгостью, которую надо было бы несколько смягчить. Молодежи очень много даровитой, желающей отдать себя целиком театру. Суть дела в том, что нужно было бы спросить и у руководителей театров, и воспитателей молодежи — правильный ли метод работы с молодежью они применяют.

О нашем же Художественном театре Вы говорите в письме много верного и справедливого, но нужно знать атмосферу последних лет жизни театра, чтоб вернее определить степень деградации его. А она существует безусловно. Опять это предмет, который требует и места, и время, чтоб этот вопрос обсуждать или вообще говорить о нем. Возвеличивая в превосходную степень всех перечисленных Вами актеров, Вы, мне думается, несколько преувеличиваете, — ну, это пусть целиком ляжет на Вашу ответственность. Вот пока все, что я хотел Вам написать.

Вам желаю успехов в трудном, но почетном деле.

27 ноября 1969 г.

Товарищ Одинцов!

Получил Ваше письмо, за которое душевно Вас благодарю. Вы угадали, что я очень, очень занят, но это не мешает мне черкнуть Вам несколько строк.

Прежде всего о том, что я уж не такой идеальный человек и в искусстве, и в жизни. Ей-богу, это Вы нафантазировали. Изъянов у меня масса, за которые расплачиваюсь достаточно.

Мне делается немного конфузно, когда Вы возводите меня в ранг великих людей, достойных чуть ли не памятника при жизни.

У меня ощущение, если говорить о творческой работе, что это не такие уж большие достижения, чтоб можно было возводить в ранг «величайшего актера нашего времени».

Прошу Вас пересмотреть Ваше мнение обо мне, дабы при случае не разочароваться, а может быть, и горько ошибиться.

Да! Я верный ученик Станиславского и не признаю никаких других учений об искусстве актера, и по мере моих сил стараюсь доказывать везде и всюду, что именно его учение может захватить сердце и душу зрителя. Вот и все мои достоинства. Если эта задача мною выполняется — вот тут я могу быть счастлив бесконечно. Вот пока все.

Желаю Вам здоровья.